

2840
М. Трушнев

Op 82

Т 49

A-374060

Родник

М. Трушнев

Родник

стихи, поэмы

2415

Оренбургское книжное издательство
Государственное бюджетное
учреждение культуры

«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

а-344060-10084

Dr 82
T 49
Dr 82
П

НАВСЕГДА

Заря погасла вдалеке,
Упала в степи мгlistые.
И ветер выткал на реке
Дорожку серебристую.
Не светом лунного луча
Ночная тьма украшена,
Горят зарницы Ильича
В домах совхоза нашего.
И звон гитары грустный чуть
Вся слышит степь тобольская.
И не дает всю ночь уснуть
Нам песня комсомольская.
Гляжу сейчас, не нагляжусь
Я на моря пшеничные.
И перед всеми я горжусь —
Хлеба в степи отличные.
Течет река, течет Тобол
Струями незаметными.
Сюда прислал нас комсомол
С путевками заветными.

Не пожалели мы труда,
Романтики влюбленные,
Пришли сюда мы навсегда,
На землю обновленную.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ХАРАКТЕР

Нелегко достаются рубли трудовые,
Вкус рабочего хлеба тогда лишь поймешь,
Когда сам поутру, встав пораньше, впервые
Цепкой хваткою в руки вибратор возьмешь.
Когда сам на морозе с утра и до ночи
Задубеешь от стужи, сгружая бетон,
То оценишь вполне хлеб насущный, рабочий
И поймешь, как в труде добывается он.
Этот смысл бытия, наивысший, огромный,
Понял я до конца и навечно обрел
В приуральской степи, где красавицу-домну
Воздвигает любимец страны — комсомол.
...Бьет пороша в лицо,

воет с присвистом выюга.

Провода оборвало. Энергии нет.
И шагают сквозь снег, окликая друг друга,
Те, что носят у сердца заветный билет.
Может быть, все старания их бесполезны,
(Этот ветер чертовский, он крушит дома).
Но пурге не сломить их характер железный:

И огнями вокруг озаряется тьма.
...Грузят камень-гранит в самосвал

тупоносый,
И водитель спешит, словно в танковый бой.
Пятитонной громадой тараня заносы,
Он другие машины ведет за собой.
Самосвалы гудят неумолчно и туго,
Размечают дорогу десятками шин.
Отступают с пути и сугробы, и вьюга
Перед грозною силой могучих машин.
В самый жуткий

мороз здесь строителям жарко.
Сколько ярких огней, сколько пламени тут!
Голубые огни электрической сварки,
Будто молнии, зимнее небо секут.
Даже страшно взглянуть

непривычному глазу
На крутой высоте,

что лишь птице под стать...
Словно ангелы мира, снуют верхолазы,
Им, наверно, оттуда всю землю видать.
А вокруг все живет, дышит грудью

широкой,
И на разных наречиях слышится речь.

Значит, даст Ново-Троицк

плавку первую к сроку.
Значит, будет в степи комсомольская печь.

СЕРДЦЕ — ФАКЕЛ

(П О Э М А)

*Посвящается светлой памяти
героини Оренбуржья
Марии Корецкой.*

I.

Опять багряным соком вишен
В степи зарницы налились.
На небо ясный месяц вышел,
И звезды яркие зажглись.
Июньский день улегся в росы,
Костер вдали манит, зовет,
Горячей искрой папиросной
То вспыхнет вдруг, то пропадет.
Плывет над плесами Урала
Не то туман, не то дымок.
Шагает девушка устало,
В руке сжимая узелок.
Горят натруженные ноги,
От зноя губы запеклись.
Видать, не ближние дороги

На долю девичью пришлись.
Сейчас бы сесть к огню поближе,
Не шевелясь, сидеть бы так
И все смотреть, как пламя лижет
Траву сухую и кизяк.
Вдыхая дыма запах горький,
Поесть наваристой ухи
И спать, пока б на ранней зорьке
Не затрубили петухи.
В ночи незримой и тревожной
Дорога вдаль ее ведет.
Идти! Идти! Пока возможно,
Пока хоть капля сил. Вперед!
Ей светят древние Стожары
И звезды Млечного пути.
Приказ седого комиссара
Надежно спрятан на груди.
Кто уличит ее в обмане —
Казачкой выглядит она:
В широкой кофте, в сарафане,
А в узелке — бутылъ вина.
Из-под платка стреляет бойко
С лукавой искоркою взгляд.
И окрик вдруг:
— А ну, постой-ка!
Куда направилась? Назад!
Куда летишь, ночная пташка.
А ну-ка, девка, отвечай?!
— Чего кудыкаешь, папашка,

Не басурманка, видишь, чай.
— Чего ночами ходишь тайно?
Откель идешь? Издалека?
Да ты не красная случайно?
— Никто не выкрасил пока.
— Чего ж тебя тут черти носят,
Погубишь девичью красу.
— Казаки наши сено косят,
А я харчишек им несу.
— Видать, заботлива хозяйка
До петухов успела встать. —
По сапогу хлестнул нагайкой. —
— А-ну, урядник, обыскать!
Стараться рад урядник дюжий,
Он шарит опытной рукой.
— Одна, небось, живешь без мужа?
— Тебе-то что? Ты кто такой!
У-у, зенки вылупил бесстыжий.
Уйди, вражина, не лепись!..
Смущен слегка урядник рыжий:
— Ты не серчай, не кипятись!
Ох и настырная девчонка,
Давай-ка узел и не плачь.
— Ну, что там?
— Братцы, самогонка!
Слыхать по запаху — первач.
В глаза ему глядит без страха:
— А ну с дороги, борода!
— Нет, это, брат, своя деваха,

С такою свяжешься — беда.
— Ну что ж, ребята, выпьем с горя,
Очисть-ка луковку, Евсей.
Жаль, не послал святой Егорий
К хмельному парочку гусей.
Казаку птаха попадется —
И та без перышек уйдет. —
И долго он ей вслед смеется,
Ощерив волосатый рот.

II.

Далекий путь ей предназначен.
До Орска путь от Актюбы...
Доносит ветер смех казачий,
То звон стремян, то зов трубы.
В степи разъезды белых рыщут,
Как волчьи стаи, как чума,
Казачьи плети в селах свищут,
Горят крестьянские дома.
И каждая краюха хлеба
Омыта вдовьею слезой.
Дымы пожарищ застыт небо,
Как стадо туч перед грозой.
Плывут дымы в степные дали,
Садится солнце за шихан.
По пыльным шляхам Приуралья
Гуляет Дутов атаман...

III.

В штабе дверь весь день открыта настежь,
Часовой с винтовкой на пути.

Подошла казачка:

— Дядя, здравствуй!

Как мне до начальника пройти?

— Ишь-ты, до начальства захотела!

Может, сам я лично помогу?

Говори, чего ты? Что за дело?

— Нет, тебе сказать я не могу.

— По одежде вижу, что цыганка.

Зубы заговаривать идешь.

Мне пускать не велено, гражданка.

Без толку начальство не тревожь.

— К командиру надо по секрету.

— Голову, гражданка, не морочь!

— Ты пойми, товарищ, дело это...

— Понимаю, не могу помочь.

Полчаса толкую понапрасну.

Ты свое пилишь, как терпугом.

Штаб полка здесь. Это тебе ясно?

Ну-ка, поворачивай кругом! —

В этот час из двери в коридоре

Вышел плотный, в портупелях грудь:

— Что за шум и крик? О чем тут споры?

Вам, гражданка, нужен кто-нибудь?

— Мне бы командира видеть лично.

Говорили, что он где-то здесь. —

Плотный щелкнул шпорами привычно:

— Командир тот самый я и есть.

— Вот пакет. —

И к стенке прислонилась:

— Извините, что-то плохо мне. —

Ноги задрожали, подкосились,

Все исчезло в мутной пелене.

Шевельнуть рукой и то нет силы,

Повалилась навзничь у дверей.

И в последний миг лишь уловила:

— Караульный! Доктора! Скорей!

Сколько суток шла без сна и пищи,

Без дорог, по стежке полевой?!

Сколько верст прошла? Наверно, тыщу.

Кто их мерял? Ветер гулевой.

Сколько раз в военной круговерти

Смерть Марии целилась в висок,

Сколько раз была она от смерти

Лишь на шаг, всего на волосок.

IV.

Окопами Орск опоясан.

Здесь каждый пригорок — редут.

И белые сотни напрасно

Наметом в атаку идут.

В степи, как на голой ладони,

Немало легло казаков.

И мечутся бешено кони,

В бою потеряв седоков.

Щетинится город штыками,
Чернеет стеной баррикад,
И вросшие в землю, как камень,
Бойцы в обороне стоят.
Пока оборона. Но скоро,
Вздымая знамена полков,
По знойным ковыльным просторам
Погонят бойцы беляков.
Трубить будут трубы напрасно:
От смерти не скрыться и вскачь.
Погибнет под саблею красной
В степи не один бородач.
Близка она, эта минута —
Возмездья народного час.
Как смрад, улетучится Дутов,
Сгниет генеральский лампас.
В грозе орудийного гула
Израненный хвост волоча,
На юг поведут есаулы
Остатки зверья, кулачья.
Охрипших от жажды и злости,
Их выведет к смерти тропа.
Пустыня их выбелит кости,
Засыплет песок черепа.

V.

Ой ты ночка, ночка —
Боевая ночка.

Торною дорогой
В небе Млечный путь.
Командир прощался:
— До свиданья, дочка!
Все, о чем сказал я,
Помни. Не забудь! —
И в глаза Марии
Посмотрел он грустно,
А потом прибавил,
Подступив на шаг:
— Передашь все лично,
Все обскажешь устно,
А бумаг не будет —
Лучше без бумаг.
...Рыщут по проселкам
Белые разъезды.
Чует свою гибель
Ненавистный враг.
На мужицких спинах
Выжигает звезды...
Нет бумаг, не будет —
Лучше без бумаг.
Казаки хмельные,
Набекрень фуражки.
Коршуньем зловещим
Сторожат в тиши.
Может тебя выдать
Каждая бумажка.
Ты приказ, Мария,

В сердце запиши.
Ой ты ночка, ночка
С месяцем рогатым,
С кровавыми зорями
Боевых огней.
Ой, зачем ты, ночка,
Звездами богата!
Чтобы тебе, ночка,
Быть бы потемней.
Чтоб Марии мчаться
Полуночной птицей,
Плыть ковыльной гладью,
Словно по реке,
Прошуршать по травам
Ящерицей быстрой,
Проскользнуть в тумане —
Белом молоке.
Стерегут дороги
Белые секреты,
С диким ржаньем кони
Стелятся в намет.
Пусть стучат копыта,
В сердце страха нету,
Нет пути обратно,
Только путь — вперед.
Засинело небо,
Скоро запылает
Над равниной росной
Медленный рассвет.

По степной дороге
Уплывает, тает
В голубом тумане
Тонкий силуэт.
Ой ты ночка, ночка,
Коротка, как выстрел.
В поле ни кусточка,
Хутор вдалеке.
В старом сарафане
И в платке цветистом
Девушка шагает
Степью налегке.

VI.

— Ты откуда?! Ну-ка, стой, деваха!
— Я из Орска, беженка.
— Так, так...
У нее в глазах ни тени страха.
— Проходи! — командует казак.
Что-то он себе под нос бормочет,
Роясь ногтем в волосе густом.
Видно, спать казак до смерти хочет,
Крестит рот раскольничьим крестом.
— Эй, казак! Ты, что ж глядишь,
скотина!

Захотел горячих? Я могу. —
Офицер, откормленный детина,
Хлестко плетью бьет по сапогу:

— Ну-ка, заверни девчонку живо.
Снять допрос, по форме доложить. —
Усмехнулся мрачно, глянул криво:
— Ишь вы, распустились, волчья сыть. —
Окружили плотною оравой,
Казарой горластой гогоча:
— А молодка ладненькая, право.
— Ты откуда вынырнула? Чья?
— Стой-ка! Стой! Ребята, дай дорогу, —
Пожилой казак, толкаясь, лез:
— Знаю эту беженку, ей-богу!
Это комиссарша. Вот те крест! —
Сдернули платок:
— Она, конечно.
Ну, портниха, здравствуй! Больно рад!
Не забыла? Шила подвенечный
Моей дочке свадебный наряд.
В Оренбурге знают эту птицу.
И во всей губернии знают то ж:
Красных милосердная сестрица,
В городе мутила молодежь.
— Дай-ка ей под дыхало гадюке!
— Ну-ка, кум, добавь по голове! —
Заломили молодые руки,
Били сапогами на траве.
Небо опустилось, давит тяжко,
В сердце холод, а кругом теплынь...
Кровь лилась на белые ромашки,
На степную горькую полынь.

...Приложить бы лед к горячей ране
И тогда я встану и пойду...

На соломе в тесной, дымной бане

Мучается девушка в бреду.

К ней склонился кто-то...

— Это Саша?!

Ты пришел. Здесь, рядышком садись.

Впереди любовь большая наша,

Впереди у нас с тобою — жизнь.

Как я шла, как по степи шагала —

Торопилась к нашим и к тебе.

Почему ты здесь... Ведь я не знала,

Ты же там остался... в Актюбе.

Почему глядишь ты как-то странно,

Свет в твоих глазах угрюм и сер...

...Нет, не Саша это...

Полупьяный

К ней склонился изверг офицер.

Тусклый крест болтается в петличке,

Узкий лоб под клоچьями волос:

— Ну-ка, поднимайся, большевичка,

Шагом марш наружу, на допрос. —

Стук приклада, сабли звон железный,

Револьвер, направленный в упор.

В пятый раз тягучий, бесполезный

Этот надоевший разговор.

В пятый раз мученья и побои.

Взгляд горячий из-под синих век.

Не смогло железо бы любое

Вынести, что вынес человек.
На сто лет, наверно,

стала старше

От мучений юная душа.

— Ты умрешь сегодня, комиссарша, —
Цедит он сивухой дыша.

— Сколько красных было в том отряде,
Наконец, ты скажешь или нет?!

Но упорство прежнее во взгляде,

И молчанье прежнее в ответ.

Расцветайте, белые ромашки,

Разносите тонкий аромат...

Ветер треплет потные рубашки

И губы казаков и солдат.

На стволе граненого нагана

Солнце отражается, дробясь,

Перед взводом ружей у кургана

Девушка стоит не шевелясь.

В каждом дуле —

черный клекот смерти.

Грянул залп.

И перекатный гул,

Как салют величья и бессмертья,

Землю дорогую покачнул.

В этот миг она вздохнула

тяжко,

Пробудясь от вечной немоты.

В алый цвет окрасились ромашки —

Полевые грустные цветы.

VII.

Сердце вырвал без жалости юноша Данко,
Словно пламенный факел, поднял выше
звезд.

Это сердце отдал он Карчагину Павке,
Чтобы он его ясной дорогою нес.

На тревожной заре новой власти советской
В осажденном врагом Оренбургском краю
Это сердце в груди у Марии Корецкой
Трепетало, как алое знамя в бою.

Это сердце несла наша сверстница Зоя,
С этим сердцем Матросов в бессмертие шел,
Это сердце несли краснодонцы-герои.
Это сердце в груди у тебя, комсомол.

Почему так светло над целинной землею,
Так прозрачен, безоблачен синий зенит?
Это степь осветило сиянье живое,
Комсомольское сердце над нею горит.

Это сердце светило нам в дальней дороге,
На Амур комсомольцев отважных вело,
Над Днепром, где когда-то теснились
пороги,
Золотые огни это сердце зажгло.

В оренбургской степи, на Дону и Кавказе
Это сердце горит жаром ясных лучей.

Отражен его пламень в якутском алмазе,
В обжигающем свете плавильных печей.

Он сияет у скал Ангары полноводной,
Он на море и суше нам светит в пути.
Комсомольского сердца огонь путеводный,
Вечным жаром гори!
Еще ярче свети!